

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/tdi.2020.4.54.4

УДК 331.5(045) | ББК 74.241

© Гужавина Т.А.

ГОТОВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ К ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ГУЖАВИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0636-7690; ResearcherID: R-4871-2017

Цифровизация позиционируется как некий тренд будущего развития современного человечества. Цифровые технологии создают новые возможности для коммуникации, требуют повышения уровня образованности, освоения новых практик взаимодействия. Происходит формирование цифрового сознания и установок, изменения касаются и системы ценностей. Цифровая среда противоречива по своему воздействию на человека. Она может как расширить возможности его доступа к информации до включения в глобальное пространство, так и сузить жизненный мир индивида до минимума, измеряемого размером диагонали цифрового устройства. Возникают новые виды рисков. Это, прежде всего, касается молодежи, ее потребностей в использовании цифровых технологий. Важно выявить как готовность молодых людей к этим переменам, так и наличие возможностей для реализации новых паттернов. Именно у молодежи формируется цифровое сознание, возникают иные стереотипы и поведенческие практики, касающиеся взаимодействия и кооперации в сетях. Формируются субъекты цифрового общества. Отметим, что в крупных городах включение в цифровую среду происходит быстрее. Однако значительная часть молодежи проживает в малых городах и в сельской местности, что создает ограничения и объективного, и субъективного характера для включения в цифровое пространство. Трактовка цифровой среды как новой фазы цивилизации, основным продуктом развития которой являются знания, базируется на идеях, высказанных ее исследователями. Прежде всего, это идеи М. Кастельса и его последователей: Э. Шмидта, Дж. Козна. Среди отечественных выделим позицию А.И. Агеева, М.А. Аверьянова и ряда других ученых. Целью исследования является рассмотрение текущего состояния цифровой компетентности в зависимости от пространственного распределения молодежи в регионе и самооценка имеющейся готовности к функцио-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-0724/20 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

нированию в цифровой среде. Эмпирической базой работы послужили результаты опроса, проведенного среди населения Вологодской области по многоступенчатой, районированной с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени выборке. Исследование показало наличие значительных проблем в процессе освоения молодыми людьми необходимых компетенций для использования цифрового пространства.

Цифровизация, субъекты цифрового общества, молодежь, цифровые компетенции.

Постановка проблемы

Современные цифровые технологии создают новые возможности для коммуникации, требуют новых знаний и повышения уровня образованности, освоения иных практик взаимодействия. Цифровая среда противоречива по своему воздействию на человека. Она может как расширить возможности его доступа к информации до включения в глобальное пространство, так и сузить его жизненный мир до минимума, измеряемого размером диагонали цифрового устройства.

В своем развитии цифровизация достигла точки невозврата. Это выразилось в том, что сегодня к интернету подключен каждый второй житель Земли. Глобальный институт VcRinsey (MGI) прогнозирует в ближайшие 20 лет автоматизацию 50% от общего числа рабочих операций в мире. Это значит, что цифровая революция вошла в решающую стадию. Специалисты сравнивают возможные эффекты от ее распространения с эффектами промышленной революции, которая определила и выстроила лидерство стран в мировой экономике. И если в тот период в выигрыше оказались США и ряд европейских государств, то сегодня Российская Федерация имеет уникальный шанс не только для реализации своего потенциала, но и для достижения лидерства в цифровом мире. Во многом этому способствует то, что она уже фактически находится в цифровой эпохе. Доказательством тому служит факт, свидетельствующий, что по количеству пользователей цифровыми устройствами Россия занимает первое место в Европе и шестое – в мире².

Говоря о степени готовности страны к жизни в условиях цифровой среды, стоит обратить внимание на ряд фактов, содержащихся в международных индексах. Данные индексы, характеризующие разные аспекты цифровизации, дают достаточно интересную картину. Международный союз электросвязи при ООН в 2018 году проранжировал 176 стран по индексу развития ИКТ. Россия с индексом 7,07 заняла 45 место. По сводному индексу развития электронного правительства ООН, который является на сегодняшний день одним из ключевых показателей развития информационного общества в мире, Россия (0,7998) вошла в группу стран с очень высоким индексом (более 0,75 при максимальном значении 1). При этом она улучшила свою позицию по сравнению с 2016 годом, переместившись с 35 на 32 место (исследование проводится раз в два года). Россия попала и в число 11 стран, которые в 2018 году вошли в группу с «очень высоким» показателем EGDI. По уровню вовлеченности граждан (так называемое электронное участие, E-Participation) она поднялась с 34 на 23 место, укрепились ее позиции в рейтинге телекоммуникационной инфраструктуры. Страна набрала в 2018 году 0,6219 балла против 0,6091 двумя годами ранее³. Судя по международным рейтингам, Россия показывает наличие значительного потенциала для своего развития в данном направлении. Это тем более важно на фоне смены парадигмы экономического развития, ориентированной на цифровизацию. Новый тренд развития страны был обозначен в целом ряде документов, таких как Указ Президента РФ № 204 «О национальных це-

² Measuring the Information Society Report. V. 1. Geneva: International Telecommunication Union, 2017. P. 31.

³ United nations e-government survey 2018 earing e-government to support. Transformation towards sustainable and resilient societies. URL: http://www.tadviser.ru/images/a/a8/E-Government_Survey_2018_FINAL_for_web.pdf (accessed 02.01.2020).

лях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 года № 7⁴. В последнем документе содержатся федеральные проекты, нацеленные на реализацию программы, система управления по ее реализации.

Цифровая экономика, по оценкам специалистов, рассматривается как мощный ресурс дальнейшего технологического развития. В ней видят пути для роста производительности труда, поскольку в конце 2000-х – начале 2010-х гг. большинство государств стало ощущать значительное снижение резервов роста. Темпы роста производительности в развитых странах начали существенно снижаться еще в 1970-е годы прошлого столетия, а с 2011 года значения данного показателя колеблются в границах, не превышающих 1% в год⁵. Причина, по мнению экономистов, заключалась в том, что промышленность попала под действие закона падающей отдачи от капиталовложений и столкнулась с избыточностью основных фондов. Особенно спад производительности труда оказался велик в обрабатывающей промышленности, выступающей системным заказчиком и потребителем продукции инновационно-технологических отраслей [1].

Это в значительной степени коснулось России, поскольку темпы роста ее экономики были обусловлены в первую очередь за счет роста присутствия страны на мировых сырьевых и энергетических рынках. В настоящее время возможности экономического роста за счет этих факторов в основном исчерпаны. Что же касается новой технологической революции, то наблюдается отставание по многим ключевым индикаторам.

В РФ разработку и внедрение инноваций осуществляют только 8% предприятий. Для сравнения, в европейских странах удельный вес организаций, занимающихся инновационной деятельностью, значительно выше. Так, в 2015 году в Германии он составил 82%, в Финляндии – 63%, во Франции – 60%⁶.

Однако это, прежде всего, технологические инновации. Но изменяющаяся ситуация осложняется неравномерностью протекающих в ней процессов. Сегодня смена технологических укладов происходит достаточно быстро, в рамках продолжительности жизни одного поколения, а не нескольких, как это было ранее. Остальные же процессы являются более медленными. Экономические процессы требуют определенного согласования групповых интересов. Политико-юридическая сфера еще более инерционна. Сложно происходит трансформация социальных институтов и социальных отношений, норм и правил коммуникации. Особенно это касается социальных структур, в которых переплетаются интересы практически всех слоев и групп населения, каждого индивида. В этой сфере также наблюдается рассогласование с технологическими изменениями, не только вносящими свой вклад в изменение характера труда и трудовых отношений, но и влияющими на социально-профессиональную структуру общества. В то же время все эти процессы, как отмечают исследователи, представляют собой отражение единой социальной динамики. Будучи взаимообусловленными, они влияют и на общество, и на каждого отдельного человека, поэтому и рассматриваться они должны в таком контексте [2; 3]. Тем не менее конвенционально современное общество уже признается информационным.

Теория вопроса

Популярной парадигма информационного общества стала в 70-е годы XX столе-

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

⁵ Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналит. докл. М., 2017. 136 с.

⁶ Там же.

тия в странах Европы и США. Если ученые в первую очередь обосновывали закономерности его появления как определенной стадии в развитии, то затем начали делать упор на его сущностную характеристику, которой и стала информация. Следует отметить, что парадигма нового общества формировалась благодаря усилиям целого ряда ученых. Среди них Д. Белл, З. Бжезинский, Э. Гидденс, П. Дракер, Э. Тоффлер, А. Турен, Ю. Хабермас и многие другие. Е. Масуда, которому принадлежит заслуга появления самого термина «информационное общество», осуществил одну из наиболее интересных и глубоких разработок в рамках концепции информационного общества, показав преемственность между постиндустриальным и информационным обществом. Знание, информация становятся ключевыми факторами развития. Они изменяют сущность самого производства, продукт которого, по мнению ученого, окажется более информационно емким. Трансформируется и сама среда жизни человека, будучи насыщенной информационными технологиями и их продуктами [4]. Е. Масуда в большей степени ориентировался на экономические аспекты в характеристике нового общества, однако не исключал и изменения в его ценностных основаниях. Будущее он видел как «общество согласия, с небольшим правительством и государственным аппаратом» [5, с. 46]. Другой создатель теории информационного общества, Ю. Хаяши, его главной чертой обозначил уменьшение доли физического труда, а также перемещение сферы потребления от вещей к информации [6].

З. Бжезинский, Д. Белл, Э. Тоффлер определяли информационное общество преимущественно как разновидность постиндустриального, рассматривая при этом общественное развитие «как смену стадий». Они связывали его становление с доминированием четвертого, так называемого информационного сектора экономики, идущего за тремя известными секторами – сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. Так, например, Э. Тоффлер утверждал, что на смену производственным или индустриальным связям придут связи информа-

ционные и фактор знания будет играть ведущую роль в общественном развитии [7].

Д. Белл в работе «Грядущее постиндустриальное общество» отмечает, что отличительной чертой постиндустриального общества следует считать снижение роли материального производства, развитие сектора услуг и информации. Это создаст иной характер человеческой деятельности, изменит типы вовлекаемых в производство ресурсов, приведет к трансформации социальной структуры [8, с. 13].

М. Кастельс относится к разряду ученых, считающихся одними из ведущих теоретиков информационного (цифрового) общества. Для обозначения отличительных черт нового типа общества Кастельс использовал различные понятия, указывая, что это необходимо «...вероятно потому, что сам факт увеличения объемов информации и движение ее между акторами и различными пунктами и есть то, что определяет новую эпоху» [9, с. 163]. Такой подход позволил обозначить новое общество как общество, в котором информация становится источником роста производительности экономической системы. Для него Кастельс подобрал и определение – «информационный капитализм» (*informational capitalism*), указывая на процессы информационного характера и неизменность форм экономических отношений. Этот тип общества, по Кастельсу, ориентирован на технологическое развитие, прежде всего на накопление знания и более высокий уровень обработки информации. «В новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации. Однако специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник

производительности» [10, с. 39]. Фактически происходит сращивание капитализма и информационной революции. Как итог, по утверждению Кастельса, возникает сетевое общество, в котором сети связывают индивидов, институты, организации и государства.

«Информациональный капитализм», как установил Кастельс, кардинально трансформирует всю систему социальной стратификации. Она становится чрезвычайно динамичной, открытой, способной на восприятие инноваций. При этом ее равновесие не нарушается, но оказывается эффективным инструментом для сохранения и развития капиталистической экономики. «Эта экономика капиталистическая, но речь идет о новом виде капитализма, информационного и глобального. Другими словами, знания и информация становятся ключевыми источниками производительности и конкурентоспособности, этих двух решающих факторов любой экономики. Генерирование знания и информационные технологии зависят от доступа к соответствующей технологической инфраструктуре, а также от качества человеческих ресурсов, от их способности управлять новейшими информационными системами» [10, с. 23–24].

Реальность, однако, оказалась не вполне соответствующей ожиданиям. Следовательно, проблемы, связанные с пониманием сущности процессов в информационном обществе, продолжают привлекать к себе внимание. Несмотря на тот факт, что информационное общество служит предметом интереса множества исследователей как в России, так и за рубежом, единой концепции не сформировано.

В российской науке тема информационного общества началась с изучения роли информации, собственно информационное общество стало объектом анализа несколько позднее. Сегодня в отечественной научной мысли сформировалось несколько самостоятельных концепций. К их числу можно отнести концепции Р.Ф. Абдеева [11], В.Л. Иноземцева [12], А. Колмогорова, Н. Моисеева, Д. Иванова [13], А. Ракитова [14], Л. Луценко [15].

Большая их часть была разработана авторами в конце 90-х гг. прошлого столетия. Во многом это связано с трансформационными процессами, раскрывшимися в достаточной для социального анализа степени. Системный подход ученых позволяет трактовать информационное общество как систему более высокого уровня, с качественно новыми принципами организации. Р.Ф. Абдеев утверждает, что возникновение информационного общества представляет собой качественно новый этап в процессах самоорганизации информационных структур [11]. Наличие наукоемких производств, по мнению ученого, позволит даже малым государствам добиваться значительных успехов в экономике. Кроме того, власть информации и интеллекта в государстве должна будет присутствовать в структуре всех ветвей власти.

Среди российских экономистов появилась точка зрения на информационное общество как на постэкономическое. В монографии «Расколота цивилизация» В.Л. Иноземцев отмечает основные черты постэкономической трансформации, к которым относит ослабление роли рынка и разрушение отношений стоимости, вытеснение частной собственности личной, особенно в сфере интеллектуальных профессий, превращение творчества в основную форму человеческой деятельности. «Основой для постэкономического общества является переориентация интересов человека на задачи развития собственной личности» [12].

Изучение философских аспектов научно-технического прогресса позволило разработать свою концепцию информационного общества другому российскому ученому – А.И. Ракитову. В монографии «Философия компьютерной революции» он выделяет признаки информационного общества, к числу которых относит доступность информации независимо от пространственного нахождения ее потребителя, наличие необходимых для этого технологий, инфраструктуры, технологический прогресс, в том числе нарастающую роботизацию во всех сферах и, наконец, радикальные изменения

в социальной структуре. По мнению ученого, в сфере производства и перераспределения информации должно быть занято не менее 50% населения [14].

Л. Луценко, анализируя отечественные и зарубежные источники, выделил в качестве важнейших признаков информационного общества преимущественную занятость населения, специфические черты управления общественными процессами. Произойдет изменение и в качестве жизни, в структуре отдыха, образования, рынка [15].

Многие исследователи отмечают, что для развития информационного общества значимо наличие необходимой инфраструктуры. На это указывает и Л. Луценко [15]. И. Юшкин относит к ней всю систему информационных ресурсов, услуг и коммуникаций, предназначенных для распространения, накопления и обработки информации⁷.

Безусловно, теория информационного общества существенно обогатила представления о данном этапе развития, его базовых характеристиках, проявлениях в различных сферах жизни. Но его многочисленные интерпретации не формируют единую картину. Возникают все новые и новые аспекты, связанные с его проблематикой и требующие своего изучения.

Еще один аспект цифровой трансформации социума – это необходимость формирования субъектов нового общества. В качестве таковых прежде всего выступают индивиды, хотя некоторые исследователи причисляют к субъектам цифрового общества и искусственный интеллект на основании того факта, что он имеет возможность принимать решения [16; 17]. Этот вопрос является весьма дискуссионным на данный момент. Значительное число исследователей не признает за искусственным интеллектом возможность получения статуса социального субъекта.

Человек, понимаемый как субъект цифрового общества, входит в так называемое цифровое или виртуальное пространство, где ему предстоит обеспечить и новые коммуникации, и защиту своего личного циф-

рового суверенитета на персональные данные, освоить новые практики. Тем самым он приобретает принципиально иные характеристики, иной правовой статус. Ему требуются новые знания, новые права, связанные с защитой своих активов в материальном и цифровом виде, своей интеллектуальной собственности и т. д. Становясь цифровым, субъект осваивает и новую для него культуру взаимодействия, новые ценности, новые статусные позиции. А это значит, что у субъекта в сетевых коммуникационных системах появляются новые функции [18].

Будучи включенным в цифровые коммуникации, субъект получает новые возможности для самореализации и самокоммуникации. Фактически индивид становится субъектом сетевого цифрового общества через вовлечение в удаленные контакты. Их специфика состоит в том, что они осуществляются посредством информационно-коммуникативных устройств. Коммуникативные процессы в этом случае реализуются, пользуясь терминологией М. Кастельса, через протоколы коммуникации и по определенным стандартам, определяющим производство, обработку, передачу и хранение информации. «Общение ... оказалось организованным через программу сетевых процессов, заложенную в вычислительную технику» [18].

Цифровая реальность требует от человека цифровой грамотности, которая соединяет в себе цифровые компетенции, цифровое потребление и цифровую безопасность [19]. Цифровая грамотность (digital fluency) определяется набором знаний и умений, необходимых для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета. Обладая данной характеристикой, индивид получает возможность использовать принципиально новый инструментарий, позволяющий ему взаимодействовать с онлайн-службами, коммуницировать, получать информацию и использовать ее, делать свой труд более эффективным. Для жизни в цифровом мире

⁷ Юшкин И.В. Информатизация общества в России: принципы и специфика: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2001. 21 с.

нужны личностные, технические и интеллектуальные навыки [19].

Уровень цифровой грамотности населения Российской Федерации, по оценкам Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, в 2018 году составил 58%. К 2024 году этот показатель должен быть доведен до 75%⁸.

В основе цифровой грамотности лежат цифровые компетенции (digital competencies). Они включают в себя следующие характеристики:

- способность решать разнообразные задачи в области использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ):

- использовать и создавать контент при помощи цифровых технологий, включая поиск и обмен информацией, ответы на вопросы, взаимодействие с другими людьми;

- компьютерное программирование⁹.

Цифровые компетенции подразделяются на две группы: профессиональные навыки специалистов, которые связаны с решением сложных профессиональных задач, и пользовательские навыки, необходимые для успешного применения возможностей ИКТ в работе, учебе, личных целях. Именно они позволяют использовать цифровую среду для различных целей. Цифровые компетенции могут различаться и по уровню сложности, глубине освоения среды и ряду других признаков. Однако отметим, что, как и многие другие виды компетенций, цифровые компетенции приобретаются в процессе обучения. На уровень их освоения и применения оказывают влияние доступность гаджетов, их технические характеристики, доступность интернета в населенных пунктах и ряд других факторов. К их числу отнесем и территориальное расположение субъекта. Проживание в крупных городах, не говоря уже о столичных центрах и городах-миллионниках, создает более благоприятные условия для доступа к цифровой среде и, соответственно, стимулирует освоение

цифровых компетенций. Что же касается населения малых городов, то здесь наблюдается ряд ограничений. Во-первых, не всегда доступен высокий уровень интернета. Во-вторых, есть некоторые ограничения в потребностях по возможности использования предоставляемых онлайн-сервисов. В-третьих, сильны традиции личных контактов, когда в населенном пункте все друг друга знают. Могут оказать влияние и другие конкретные факторы. При этом следует иметь в виду, что наиболее популярны сервисы, предоставляющие развлечения. Они наиболее доступны в плане необходимых цифровых компетенций, в наименьшей степени содержат в себе когнитивную составляющую. В связи с этим сформировалась и цель нашего исследования – определить текущее состояние цифровой компетентности в границах пользовательских навыков в зависимости от пространственного распределения молодежи в регионе и дать оценку соответствующей готовности к функционированию в цифровой среде.

Анализ эмпирических данных

Учитывая значимость формирования цифровых компетенций, госорганы, консалтинговые компании, отдельные исследователи разрабатывают их модели. Широкое распространение получили «Европейская модель цифровых компетенций для образования», «Модель цифровых компетенций для граждан Европейского союза». Так, например, последняя содержит 21 компетенцию по 5 областям. Была разработана и «Целевая модель компетенций 2025» BCG на базе консенсус-мнения экспертов и анализа подходов Библиотеки компетенций Lominger, Сбербанк, RosExpert / Korn Ferry, НИУ ВШЭ, WorldSkills Russia и Global Education Futures. Данная модель наряду с техническими навыками включает в себя когнитивные и социально-поведенческие компоненты.

⁸ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ: офиц. сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/540> (дата обращения 12.03.2020).

⁹ Обучение цифровым навыкам: модели цифровых компетенций: аналит. отчет АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка». URL: <https://edutechclub.sberbank-school.ru> (дата обращения 15.03.2020).

Таблица 1. Цифровые компетенции, их интерпретация и операционализация

Область компетенции	Компетенции	Операционализация
Информационная грамотность	Техническая компетенция (умение пользоваться гаджетом) Когнитивная компетенция (просмотр и поиск информации) Поведенческая компетенция (использование ЛК)	Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать: – пользоваться смартфоном; – использовать интернет для получения информации, покупок, заказа билетов, пользоваться Личным кабинетом на Госуслугах, сайтах налоговой инспекции, ЖКХ и т. п.
Коммуникация и сотрудничество	Взаимодействие с помощью цифровых технологий Обмен данными посредством цифровых технологий Гражданское участие Использование для работы	Участвуете ли Вы в мероприятиях общественной и политической жизни какой-то группы, которая общается только через интернет (например, ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, Facebook)? Обсуждаете ли Вы общественно значимые проблемы в интернет-среде? Какой способ Вы считаете наиболее эффективным при необходимости решить социальную проблему, затрагивающую интересы многих граждан (вариант ответа: Разместить обращение к органам власти и всем неравнодушным в интернете)? Из каких источников Вы обычно получаете информацию о деятельности общественных (некоммерческих) организаций, прочих гражданских инициативах
Создание цифрового контента	Создание контента Авторские права Программирование	Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать (пользоваться смартфоном)
Источник: составлено автором.		

На основе этих моделей была выделена группа компетенций для предварительной оценки уровня цифровой грамотности такой группы населения, как городская молодежь. Для анализа данных взяты некоторые компетенции и проведена их операционализация с целью создания модели для анализа эмпирических данных, полученных в ходе опроса в рамках исследовательского проекта, реализуемого Вологодским научным центром РАН (табл. 1). Опрос осуществлялся в 2019 году среди городского населения Вологодской области, которое сосредоточено в двух крупных городах области – Вологде и Череповце, а также в малых и средних городах, являющихся центрами муниципальных районов. К малым и средним городам области относятся населенные пункты городского типа с населением до 100 тыс. человек¹⁰. Объем выборочной совокупности составил 1900 человек в возрасте старше

18 лет. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Выборка квотная, репрезентативная (учитывает половозрастную структуру взрослого населения городов). Молодежь составляет в выборке 18% от ее общей численности.

В рамках исследования среди прочих решалась задача, связанная с предварительной оценкой различий в цифровой грамотности молодежи, проживающей в малых городах Вологодской области, с целью дальнейшего углубления работы на основе анализа полученных данных. Городское население области проживает в двух крупных городах – Вологде и Череповце. Численность населения в них немного более 300 тыс. человек в каждом. Крупные города предоставляют своим жителям более комфортные условия для включения в цифровую среду. Есть выбор провайдеров, широкополосный интернет, зоны свободного доступа. Несколько иная

¹⁰ Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ. Гл. I. Общие положения (ст. 1–6). Ст. 5. Типы поселений Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru>

ситуация сложилась в малых городах и сельской местности. С одной стороны в них интернет для многих представляет собой окно в мир, с другой – это немалые материальные затраты, включающие в себя как приобретение современных многофункциональных устройств, так и оплату услуг провайдеров. Барьерами могут быть и отсутствие соответствующих компетенций либо их недостаточный уровень. Особенно это касается группы профессиональных компетенций.

Как показали результаты исследования, около 85% молодых людей, проживающих в городах, имеют смартфоны и активно пользуются ими. Различия в зависимости от типа поселения незначительные: в крупных городах области владеют смартфонами 88%, в малых городах – 84% молодых респондентов в возрасте до 30 лет. Это свидетельствует, по крайней мере, о наличии у них пользовательских навыков, без которых смартфон становится бесполезным. С другой стороны, его приобретение стимулирует владельца к расширению своих возможностей, создает условия для реализации такой области компетенций, как «информационная грамотность» в части просмотра и поиска необходимой информации (табл. 2). Около 10% обозначили отсутствие смартфона. Наличие этого гаджета служит показателем технической компетентности как части цифровой грамотности.

Следующий элемент цифровой грамотности – когнитивные компетенции, реализуемые в практиках использования интернета для решения различных конкретных

задач. К ним относятся, в частности, получение справочной информации, осуществление покупок, заказ билетов, чтение книг, посещение виртуальных музеев и театров и т. п. Используют интернет для получения информации, покупок товаров или билетов немногим более половины опрошенных в больших городах и около 40% в малых и средних (см. табл. 2). Меньшая вовлеченность молодых людей, проживающих в малых и средних городах региона, во многом может объясняться, на наш взгляд, тем, что условия жизни на указанных территориях слабо способствуют востребованности некоторых онлайн-практик: доставки, бронирования билетов на культурные мероприятия, оплаты товаров и услуг в своем населенном пункте, где предпочтение отдается наличным денежным средствам.

Важным цифровым навыком является использование личного кабинета, особенно это касается проекта цифрового правительства, реализуемого через порталы Госуслуг и ФНС. Уровень освоения данных практик молодежью недостаточно высок, о чем свидетельствует доля респондентов, которые их применяют (см. табл. 2). Это может служить свидетельством недостаточного уровня развития когнитивных компетенций и представлять собой ограничения в доступности госуслуг. Однако причины недостаточной востребованности могут быть иного характера, в том числе стремление сделать все лично либо отсутствие личных кабинетов. В итоге менее половины молодых респондентов используют личные кабинеты в раз-

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние два-три года?» (в зависимости от места проживания, в возрасте до 30 лет), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда, Череповец	Малые и средние города
Пользоваться смартфоном / мобильным телефоном	88	84
Использовать интернет для получения информации, покупок, заказа билетов	53	39
Пользоваться Личным кабинетом на Госуслугах, сайтах налоговой инспекции, ЖКХ	47	41
Отправлять обращения в органы власти	2	3
Ничего из перечисленного	5	10
Источник: опрос ФГБУН ВолНЦ РАН.		

личных сферах, таких как банк, службы ЖКХ и т. д. Тем не менее интернет служит устойчивым источником информации почти половине молодых людей. Но в целом уровень цифровой грамотности молодежи области несколько ниже средних данных по стране.

Можно выделить и такую область компетенций, как «коммуникация и сотрудничество». Здесь требуются навыки в сфере взаимодействия с использованием цифровых технологий (табл. 3). Молодые люди не просто включены в социальные сети, они взаимодействуют в виртуальном пространстве. Около 10% респондентов достаточно активно участвуют в функционировании групп, созданных в социальных сетях, в сетевых мероприятиях (акции, дискуссии, создание контента, репосты и т. п.). Молодые люди, проживающие в крупных городах, в значительно большей степени включены в сетевое взаимодействие, чем жители малых и средних городов.

Как показывают полученные данные, почти две трети молодых людей не активны в сетевом взаимодействии и не реализуют свои когнитивные компетенции. Об этом же свидетельствуют и ответы на вопрос об участии в обсуждении общественно значимых проблем. Регулярно участвуют в обсуждении волнующих их проблем 2–4% молодых людей.

В этой сфере лежат и коммуникации, связанные с гражданским участием. Результаты опроса дают представление об опыте гражданского участия молодежи в интернет-среде (табл. 4). Доля освоивших такие практики колеблется от 30% в малых и средних городах до 40% в крупных.

Наиболее популярным действием среди молодых респондентов стало размещение в интернете обращений по поводу решения социально значимой проблемы. Такая форма привлекает возможностью сделать информацию публичной.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в мероприятиях общественной и политической жизни?» (в зависимости от места проживания, в возрасте до 30 лет), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда, Череповец	Малые и средние города
Какой-то группы, которая общается только через интернет (например, ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, Facebook)		
Регулярно	12	8
Время от времени	21	9
Один раз	4	6
Никогда	63	76
Обсуждение общественно значимых проблем в интернет-среде		
Регулярно	2	4
Время от времени	15	10
Один раз	3	6
Никогда	80	80
Источник: опрос ФГБУН ВолНЦ РАН.		

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой способ Вы считаете наиболее эффективным при необходимости решить социальную проблему, затрагивающую интересы многих граждан?» (в зависимости от уровня социального капитала, в возрасте до 30 лет), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда, Череповец	Малые и средние города
Разместить обращение к органам власти и всем равнодушным в интернете	40	41
Источник: опрос ФГБУН ВолНЦ РАН.		

Обсуждение и выводы

Цифровизация сегодня все в большей степени проникает в повседневные практики. Не существует уже ни одной сферы жизнедеятельности, где нет цифровых технологий. Они становятся технологичным средством коммуникации, инструментом профессиональной деятельности, технологией обучения. Дигитализация превращается в доминанту, влияющую на межличностную коммуникацию, на профессиональную деятельность, на получение услуг, на формы образования и досуга. Использование гаджетов и технологий требует определенного уровня и типа грамотности – цифровой грамотности. Но темпы компьютеризации опережают распространение необходимых для этого навыков и умений.

Большая часть населения региона в той или иной мере вовлечена в использование цифровых технологий, однако уровень овладения нужными навыками оставляет желать лучшего. В первую очередь новые навыки и компетенции осваивает молодежь. Качественное и глубокое освоение новых компетенций должно стать условием для ее превращения в субъект цифрового общества, общества нового типа. Однако считать молодежь полностью готовой к этому пока нельзя. На сегодняшний день молодые люди недостаточно глубоко овладели техническими компетенциями в использовании гаджетов. Существует еще немалая доля тех, кто ограничен в доступе к современным многофункциональным устройствам. Значительная часть молодежи малоактивна в социаль-

ных сетях и занимает позицию цифрового потребителя, во многом некритичную, не обеспечивающую безопасность нахождения в интернете, что позволяет вовлекать молодых людей в асоциальную деятельность, продвигать антиобщественную идеологию.

Крайне неглубокое освоение когнитивных и коммуникативных компетенций, характеризующих цифровую грамотность российской молодежи, свидетельствует о том, что она еще не готова стать полноценным субъектом цифрового общества. Не подтвердилась наша гипотеза о наличии существенных различий в освоении цифровых компетенций молодежью, проживающей в крупных и малых и средних городах области. Масштаб поселения оказывает определенное влияние на использование цифровых практик, но в целом различия не являются существенными. Задача, которая встает перед обществом в связи с поступающими вызовами, заключается в необходимости ускорить процессы формирования цифровой грамотности населения, в первую очередь молодежи. Особенно остро эта задача проявилась в условиях возникшей экстренной ситуации перевода значительной части социальной активности в онлайн-среду. Пандемия коронавируса создала принципиально новую среду, потребовала быстрого и эффективного освоения необходимых компетенций, породила иные не существовавшие ранее онлайн-практики, открыла новые возможности для профессиональной деятельности и коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усков В.С. Тенденции формирования проблемы развития цифровой экономики в России // Проблемы развития территории. 2019. № 2 (100). С. 53–66.
2. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение / А.Н. Агеев [и др.] // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 115–126.
3. Садовая Е.С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южн.-рос. журн. соц. наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 6–20.
4. Масуда Е. Компьютопия / пер. с англ. Л.Я. Розовского. М.: Идея-Пресс, 1998. 358 с.
5. Masuda Y. *The Informational Society as Post-Industrial Society*. Washington: World Future Society, 1981. 171 p.
6. Судзуки М.Т. По ту сторону компютопии: информация, автоматизация и демократия в Японии // Информационная революция: наука, экономика, технология. М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 128–160.

7. Тофлер Э. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2004, 261 с.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. А.В. Жукова. М.: Academia, 1999. 788 с.
9. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1990. С. 492–505.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. 606 с.
11. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
12. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 302 с.
13. Информационное общество. М.: АСТ, 2004. 509 с.
14. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.
15. Луценко Л.М. Концепции информационного общества и социальная функция информации // Ценности и смыслы. 2010. № 5 (8). С. 136–152.
16. Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журн. рос. права. 2018. № 11. С. 14–24.
17. Яблокова Н.И. Субъекты сетевого общества: социально-философский анализ // Соц.-полит. науки. 2018. № 5. С. 101–103.
18. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
19. Берман Н.Д. К вопросу о цифровой грамотности // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 6-2. С. 35–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Анатольевна Гужавина – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru

Guzhavina T.A.

YOUNG PEOPLE'S READINESS TO LIFE IN AN AGE OF DIGITALIZATION

Digitalization is positioned as a trend in the future development of modern humanity. Digital technologies create new opportunities for communication, require increasing the level of education, and developing new interaction practices. Digital consciousness and attitudes are being formed, and changes also affect the value system. Digital environment is contradictory in terms of its impact on people. It can both expand the possibilities of their access to the information up to including them in the global space, and narrow the life world of an individual to a minimum, measured by the size of a digital device diagonal. New types of risks are emerging. This primarily concerns young people and their needs to use digital technologies. It is important to identify both the readiness of young people for these changes and the availability of opportunities for implementing new patterns. It is young people who form a digital consciousness and develop other stereotypes and behavioral practices related to interaction and cooperation in networks. The subjects of digital society are being formed. We should note that in large cities the inclusion in the digital environment is faster. However, a great share of young people live in small towns and rural areas, which creates both objective

and subjective restrictions for inclusion in the digital space. The interpretation of the digital environment as a new phase of civilization, the main product of which is knowledge, is based on the ideas expressed by its researchers. First of all, these are the ideas of M. Castells and his followers: E. Schmidt, J. Cohen. Among the domestic researchers, we should highlight the views of A.I. Ageev, M.A. Averyanov and other scientists. The purpose of the study is to review the current state of digital competence depending on the spatial distribution of young people in the region and self-assessment of their readiness to live and function in the digital environment. The empirical basis of the work was the results of a survey conducted among the population of the Vologda Oblast on a multi-stage, zoned with quota selection of observation units at the last stage of the sample. The study revealed that young people have significant problems in the process of developing competences required when using the digital space.

Digitalization, subjects of digital society, young people, digital competence.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tat'yana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru